***Верт П.* Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 275 с.**

Перед нами — образец филигранной историографии, текста, написанного по высочайшим стандартам исторической науки. Это обстоятельство я готов вывести на первое место, даже независимо от важности и сложности самой темы. Хороший, профессиональный перевод помогает ощутить особую красоту сдержанного, аскетического языка исторического рассуждения, построенного на череде строго документированных свидетельств и позволяющего себе редкую вольность осторожных догадок, сопоставлений и интерпретаций в тех случаях, когда свидетельства не дают однозначной картины. Этот стиль и этот язык, саму технику работы с источниками, саму архитектуру объяснительной конструкции, выстраиваемой в ходе исследования — все это я рекомендовал бы в качестве примера для следования студентам, да и всем прочим, имеющим отношение к истории как дисциплине, и к *научной дисциплине* как таковой.

Книга впервые собрала воедино семь «очерков», которые ранее были опубликованы по отдельности в качестве статей (шесть из них — по-английски, так что перед нами первый их русский перевод). Пол Верт — один из признанных специалистов по истории религии в имперской России, исследователь многообразного влияния религии на общество и государство петербургского периода. Его работы не относятся к «религиоведению» как таковому: религии его интересуют не феноменологически, не сами по себе как совокупности доктрин, дискурсов, обрядов, институтов и норм; но при этом все это — и дискурсы, и нормы и институты — в его работах присутствует, преломляясь «функционально», как элементы, встроенные в политическую и социальную жизнь империи. Автор смотрит на каждую религиозную традицию как бы немного отстраненно, не пытаясь проникнуть в ее «сокровенную глубину», поскольку его

задача совершенно иная; он оперирует понятиями «религия», «вероисповедание», «конфессия» как общими категориями, годными и для имперских чиновников, и для современных историков. Пол Верт — не историк православия, ислама или католицизма, но конфессиональные категории и идентичности постоянно присутствуют в социальных конструкциях и политической динамике, которые он изучает.

Цель автора — показать все конфессиональное многообразие и сложные, меняющиеся на протяжении имперского периода, формы «сцепления» религии и общества. Исходя из этой цели, Верт предпринимает, с неизменным мастерством, исследование разных конфессий и разных аспектов темы. Вот краткое перечисление тем семи очерков: христианизация язычников-марийцев (по материалам середины XIX в.); регулирование процедуры «смены веры» и конфессиональная идентификация после провозглашения свободы совести в 1905 г.; проблема автокефалии Грузинской православной церкви; формирование общины крященов (татар-христиан); конфессиональный характер ведения актов гражданского состояния; регулирование смешанных (межрелигиозных) браков; особое положение Армянской церкви на стыке внутренних и внешних интересов империи. Интересно, как, работая с разным материалом, относящимся к этим сюжетам, автор, тем не менее, составляет единую картину; для него эти семь очерков — суть семь попыток подойти, с разных сторон, к одной цели, а именно — пониманию места религии в российском обществе, значения самого процесса регулирования религиозного многообразия для жизни Российской империи.

Вывод автора, который он озвучивает в разных очерках и с опорой на различные свидетельства, таков: именно религия рассматривалась в России, вплоть до 1917 г., в качестве главного маркера идентичности. «До самого своего падения в 1917 году режим упорно поддерживал не только превосходство православия над так называемыми иностранными исповеданиями, а христианства над иноверием, но и веры над безверием и ‘нигилизмом’» (с. 43). (Второй, параллельной системой идентификации была, разумеется, сословная система). Верт тонко показывает, как религия пронизывает собой весь общественный организм: например, даже конфессиональный характер метрических книг свидетельствовал о том, что «российское государство не только в идеологическом, но и в институциональном смысле покоилось на конфессиональных основах» (с. 126). Другой пример — неспособность го-

сударства до конца преодолеть проблему «смешанных браков», — неспособность, истоки которой заложены уже в самом понятии «смешанности»; неготовность государства *в принципе* абстрагироваться от религиозного смысла института брака как такового; поэтому отношение к «смешанному браку» варьировало от надежд на распространение православия, на интеграцию «инославных» территорий, до опасения обратного влияния на православных и «отпадения» — главной угрозы для православной империи (с. 168). И еще один пример — грузинский: именно церковные канонические аргументы, как это ни странно, доминируют в полемике вокруг грузинской автокефалии, отмененной в 1811 г., и тематизируют все более острый «национальный вопрос» (с. 92).

Эта ситуация, когда религиозная идентичность и конфессиональные деления играют решающую роль в общественном устройстве, постепенно и неуклонно менялась, сначала очень медленно, а затем, в начале XX в. с возрастающей скоростью; и менялась она в двух направлениях — во-первых, в сторону все более определяющего значения этничности, и во-вторых, в сторону попыток формирования единого гражданства.

С одной стороны, этническая идентичность становилась все более центральной, политически значимой и социально ощутимой, и этот процесс закончился уже в Советской России переходом в классификации населения от религиозного принципа к этническому (не говоря о главном, «классовом»): автор обобщенно описывает этот процесс этнизации в начале XX в. на с. 62-64; в отдельных рассмотренных в книге случаях — как в случае с грузинской автокефалией, или в ходе христианизции марийцев или татар (кряшен), и во многих других — национальная логика сталкивалась с конфессиональной, ставила ее под сомнение, заявляла о себе все в возрастающей мере как о решающей энергии разворачивающейся «эпохи национализмов». Далее автор пишет: «Советская система классификации, само собой, отвергла религию как основание для идентификации индивида в пользу национальности. В этом отношении советская практика послужила узаконению важного сдвига, который начался в последние годы империи и представлял собой решительный разрыв с прежними способами концептуализации имперского разнообразия» (с.64). В конечном итоге, именно национальные интересы взорвали империю в 1917 году, — и, кстати, это произойдет еще раз через семьдесят с лишним лет при еще одном распаде империи в начале 1990-х годов.

С другой стороны, и имперские правительства, и широкая «общественность» чувствовали, хотя и по разным причинам, потребность в создании единого, универсального гражданства модерного типа, единой нации вместо сложной имперской мозаики, однако этот последний процесс так и не дошел до конца и был приостановлен Революцией. «По сути дела, продолжает автор, в России не сложился гражданский строй, при котором все население страны объединялось бы одинаковыми правами и обязанностями, и конфессии являлись одними из главных факторов разделения общества на обособленные компоненты» (с. 44). Например, одной из основ нового универсализма могло бы стать введение гражданского брака; однако, как пишет автор, это «означало бы слишком радикальный разрыв с прошлым для режима, который оставался привержен религии вообще почти в той же мере, что и православию в частности» (с. 175). Интересно, что в силу столь важной роли конфессиональных устроений, движение к универсальному гражданству во многом мыслилось в категориях обретения «свободы совести», и Верт показывает, как уже министр внутренних дел в 1861–1868 годах граф Петр Валуев обосновывал осторожные послабления остзейским немцам-лютеранам ссылками на «неотъемлемые права человечества» и «свободу вероисповеданий» как некий идеальный проект (с. 154). Однако даже и декларация этих прав в 1905 не привела на практике к полной религиозной свободе, как и общество в целом не обрело универсального гражданства.

Быть может, такого перехода просто не могло произойти в силу наличия тяжелой, с трудом поддающейся унификации, многоступенчатой имперской структуры с ее исторически накопленной сложностью. Еще одно из достоинств работы состоит в том мастерстве, с которым Верт вплетает конфессиональные сюжеты в проблематику «имперскости», в тематику имперского единства и соответствующей логики. Эта особая логика постоянно вступала в противоречие с логикой конфессионального регулирования, несмотря на то, что это последнее, как мы видели, было одним из оснований имперского устройства. Имперская логика — логика имперского единства и имперского интереса — опиралась на иерархию исповеданий, но она же, эта логика, требовала постоянных исключений из единой схемы. Исключения, как позывает автор в главе о тех же смешанных браках (см. с. 149 и 157), являлись важнейшим принципом государственной власти, и, поистине, российская имперская система

оставляла обширные правовые и политические пространства для исключений. Имперская логика требовала постоянной адаптации каких бы то ни было правил — включая общий свод законов — к бесконечной мозаике имперской реальности. В конечном итоге, империя тоже была не чужда универсализма — но отнюдь не рационального универсализма модерного типа, основанного на строгом следовании унифицированному законодательству.

Универсализм империи — скорее прагматический, чем нормативный. Верт пишет о том, что «универсалистская тенденция...значительно перевешивала партикуляристскую, а кроме того, была гораздо более совместима с имперским характером Российского государства» (с. 68). Но при этом он показывает на многих примерах, что этот универсализм означал разные вещи в разных контекстах — от уступок этническому своеобразию в православной миссии в Поволжье до отказа в автокефалии грузинской церкви. В случае же с Армянской апостольской церковью, которому посвящена отдельная глава, имперская логика балансировала между стремлением к интеграции (а значит и подчинению христианской, но не православной Церкви) и использованием армянского католикосата во внешней политике на Ближнем Востоке (в силу значительного влияния его на армянскую общину Османской империи).

То, что несколько блестящих статей Пола Верта вышли по-русски под одной обложкой, можно считать отличной новостью и для историков религии, и для историков Российской империи. Хотя все эти тексты уже были опубликованы ранее, они прекрасно смотрятся вместе и даже начинают «играть» по-новому, сополагаясь друг с другом и дополняя друг друга. В результате проступает сложная и достоверная картина, столь же прекрасно документированная, сколь и мастерски вписанная в корпус смежных исследований.

А. Агаджанян

***Luehrmann S.* Secularism Soviet Style. Teaching Atheism and Religion in a Volga Republic. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2011. — 292 p.**

Книга Сони Люрманн представляет собой сочетание тщательного конкретного исследования с интересными обобщениями. На материале одной конкретной российской Республики Ма-